

ИВАН НУПРЕЯНОВ

Поэт, продюсер. Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов Москвы. Родился в подмосковном городе Жуновском в 1986 году. Окончил МГТУ имени Н.Э. Баумана с красным дипломом, там же пять лет преподавал теоретическую механику. Автор трех поэтических сборников: «Априори» (2010), «Перед грозой» (2014), «Стихотворения 2010-х» (2020) и детской книги стихов «Мяв, Тяф и Чай» (2020). Лауреат премии «За верность Слову и Отечеству» имени первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига (2015), премии «Лицей» имени А.С. Пушкина (2021) в номинации «Поэзия». Один из основателей культурного арт-проекта «Мужской голос». Основатель продюсерского центра для поэтов «Маян». Автор (совместно с Эдуардом Бояновым) серии поэтических спектаклей «Сезон стихов» во МХАТе имени М. Горького. Соучредитель АНО «Созидательный Вектор». Редакционный директор сайта «Современная литература», колумнист «Литературной газеты», ведущий рубрики «Поэзия NEXT» портала «Ревизор.ру». Стихи Нупреянова публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и других печатных и сетевых изданиях.

* * *

Карлсон умер. Сегодня хороним.
 Озорной человек-вертолет.
 Карлсон умер, какая ирония:
 тот, который на крыше – живет.
 Собирать только близких решили.
 Вот оградка литая, за ней
 малыши необычно большие
 из обычных нешведских семей.
 Им знакомы подагра, виагра,
 и вершины – и самое дно.
 С телефона поставили Вагнера –
 неуместно, нелепо, смешно.
 Говорят говорящие плохо
 про «народная память жива»,
 про «закончилась эта эпоха»
 и другие такие слова.
 Как ташил – удивительно! – столько
 неизбывную радость свою
 в опустевшем, как жизнь алкоголика,
 подмосковном осеннем раю.
 Вот на кнопку на пузе героя
 уж нажали и горькую пьем.
 И пропеллер, как бур Метростроя,
 начинает входить в глинозем...
 Самолет в небесах над погостом
 тянет белую-белую нить.
 Да. Спокойствие, только спокойствие,
 как любил кое-кто говорить.

* * *

Мы любили друг друга
на бетонных ступенях мира,
на заросших кустами балконах
пустой империи,
изучали друг друга,
аккорды шнурков и молний,
познавали под черным солнцем
железный запах.
И шуршали,
срываясь в пропасть,
живые камни,
и вокруг плотоядно скалились
злые листья.
И бежали, щитками хлопая,
бронтозавры,
отголоски незавершенных
родительских миссий.
Это потом
из нас вылупятся
либералы и патриоты,
бизнесмены и биполярники,
мученики эмиграции,
андроиды госзаказа,
это потом –
мужчины в черном,
женщины в золотом.
А пока –
ненасытный дракон
с многопользовательским хребтом,
стометровый атом,
пейзаж, сотворенный ртом,
и прозрачный Моцарт –
молотом, долотом.
Только Бог и ветер.
А пакость – потом, потом.

* * *

Алло, алло... по всей Земле... алло...
Алло по всей Земле, во все пределы...
Как ждут письма, мы ждали НЛО:
оно было, но к нам не долетело.
Как старый хрыч с любовницей в СВ –
вот так страну. Урывисто и наспех.
А мы чего? Мы дети НТВ.
Кому скажи сейчас – поднимут на смех.
А ведь смешно по большей части тем,
кто слов не ест этически скоромных.
Но комиссар наденет пыльный шлем
и этой контре все еще припомнит.
Мы те, кто рос в податливой плоти
больной страны. Как демон, в самом деле.
Мы те, кто рос, когда нельзя расти, –
мы злой народ. А вы чего хотели?
Наш Бог мелькнул, заплакал и исчез.
Шел год Степана. Или все же Хрюна?
Мело, как в той кассете VHS...
Арракис... Дюна...

* * *

Нас учили не мыслить шире
в постсоветском цветном раю.
Полу-Маугли, полу-Мцыри
представляться бы в интервью.
Наши старшие, выжить силясь,
нас не били, и очень зря.
В мультик плавленный провалились
ненаследники Октября.
Грустный дяденька у престола
от Кощея охраняет иглу.
И танцует Наташа Ростова
на балу.
На медведе Балу.

* * *

1. Чем дольше явь, тем интересней сны.
Мне было двадцать три, мне точно было.
Я слой за слоем город на себя
наматывал – все будущие смыслы.
2. Тогда Академический район
был местом поцелуев и прогулок.
Кирпич и тополь, «Булочка бриошь»,
ночная пыль, белившая ботинки.
На Дмитрия Ульянова ловил
«шестерку» ли, «девятку» ли – неважно.
Как скажет позже четкий А. Варской,
«московской осени свободный путник».
3. Тогда – бродил, а после – проезжал,
и в каждом слое было больше смысла.
Вот важный слой: с беременной женой –
на Севастопольский, в перинатальный центр.
А вот еще – предновогодний слой,
две тысячи двенадцать слеш тринадцать.
В обнимку с елкой еду слеш в метель,
в один из предсказуемых разладов.
Таков Академический район,
расчерченный имперскостью трамваев.
Зачем он мне, и я зачем ему,
не знаю.
4. Однажды поброжу, и так скажу
(себе скажу, ведь поброжу непарно):
«Я размотал до самого себя
шуршащую бобину киноплёнки»...
5. ...В тот год айфон явился в третий раз,
в тот славный год любовных приключений
мы получали твердые дипломы
империи посмертных инженеров.

* * *

В менестрельствах сидят менестрели,
вспоминают, как жили в Удельной
и сквозь минус шестнадцать смотрели
на кудлатые ноздри котельной.
Как чертили по инею замки,
как мечтали о том и об этом,
уходя за разумные рамки,
не умея мечтать о конкретном.
Пробудись, о конец девяностых!
Серебром на ресницы мне брызни!
О, седая береза в наростах!
О, подборка «Наукаижизни»!
Пробудись, обрастая по новой
тем же мясом туманной идеи.
В электричке до «Станцияновой»
новой магией я овладею...
Но драконам на горе, и йетям,
не доехать туда, не дотопать.
Между тем человеком и этим
вот такая вот (жест) хитропропасть.

* * *

Луна на нуле, времена на нуле,
и даже #морозвоевода,
и даже Лимонова нет на Земле
взболтать эту теплую воду.
Коктейль удивительно правильных лиц
с горчинкой эрзац-вольнодумий.
Торчат из по новой открытых гробниц
бинты приглагоуренных мумий.
Какого же хрена охотничий век?
ГУЛАГ, уничтоживший классы?
Смотрите из космоса: се человек
до первой открывшейся кассы.
Татьяна тряслась, окружали ее
идейные всякие гады.
Тут вышел Евгений и рявкнул: «Сырье!»
И сразу все стало как надо.
«Засунь себе в задницу Эппл-тиви, –
бормочет старик из кристалла, –
Любимцы богов признаются в любви
цитатами из “Капитала”».